

Как можно заметить, по структуре змеообразной фигуры суздальский змеевик относится к первой группе византийских амулетов, не являясь среди них сколько-нибудь уникальным. Отсутствие других древнерусских амулетов, подобных суздальскому, объясняется, как нам кажется, тем обстоятельством, что русские змеевики, производство которых начало налаживаться в XI в.²⁷, имели в качестве образца распространенные в то время в Византии амулеты. Таковыми являлись «двенадцатиголовые». Именно они, как наиболее типичные для своего времени экземпляры («семиголовые» в этот период широкого распространения в Византии уже не имели), были завезены на Русь и явились образцами для местных змеевиков. Таким образом, с точки зрения структуры «змеиного гнезда», суздальский змеевик — типичный византийский амулет, выполненный в архаической для своего времени традиции.

Композиция «Семь отроков эфесских», представленная на другой стороне суздальского амулета, встречается, хотя и не часто, как на древнерусских²⁸, так и на византийских памятниках²⁹. Поскольку на дошедших до нас византийских амулетах эта композиция отмечена дважды³⁰, не считая суздальского змеевика, есть основания полагать, что она не была столь уже редкой. Что касается стилистических особенностей обоих изображений: «змеиного гнезда» и «спящих отроков», то они имеют прямые параллели на византийских змеевиках. Из шести известных в настоящее время яшмовых змеевиков ближайшей аналогией по технологическим приемам передачи змеообразной фигуры является византийский змеевик, датированный X—XI вв. и хранящийся в городском музее Перемышля³¹. Сопоставляя этот амулет с суздальским змеевиком, мы видим тождественную передачу волос и черт лица «медузы», одинаковую разделку туловищ змей косыми штрихами и особый прием передачи змеиных голов, когда две параллельные линии пересекаются наклонной, рядом с которой находится выпуклая точка, означающая глаз. Мэстрихтский змеевик, аналогичный суздальскому по форме (круглый) и по характеру исполнения изображений (резьба вглубь), в целом отличается гораздо большей схематичностью и примитивностью исполнения.

Таким образом, и стилистические особенности суздальского амулета позволяют настаивать на его византийском происхождении. Сопоставление с византийскими яшмовыми змеевиками, прежде всего с амулетами из Перемышля, Мэстрихта и, если судить по описанию, которое приводит В. Лоран, с амулетом из собрания А. Рубенса³², определяют место, которое рассматриваемый предмет занимает в ряду сходных памятников. Наиболее вероятной датой его исполнения оказывается конец XI, возможно, начало XII в.

Следует также особо подчеркнуть обстоятельство, отмеченное в свое время А. С. Орловым: древнерусским ювелирам не была известна резьба по яшме³³. Вплоть до настоящего времени мы не имеем данных, которые бы опровергли это утверждение исследователя. Если древнерусские мастера умели обрабатывать стеатит, то это отнюдь не подтверждает, как полагает А. В. Рындина³⁴, что они знали обработку такого твердого камня, как яшма. Также и наличие мастеров, способных обработать, и даже с исключительным совершенством, известняк, шедший на украшение порталов и стен церквей, не может указывать, как считает М. В. Щепкина³⁵, на непременно наличие ювелиров, резавших из яшмы инталии.

Самым простым объяснением «противоречия» между византийскими по сюжету и стилю изображениями и русскими надписями было бы признание рассматриваемого памятника как сделанного в Византии по русскому заказу. Материалы, содержащиеся в статье А. В. Рындиной и доказывающие принадлежность змеевика семье великого князя Мстислава³⁶, подтверждают такое предположение. Связи Мстислава с Византией, как политические, так и семейные, были достаточно прочными; став великим князем, Мстислав проводил прогрессивную политику. Выполненный по княжескому заказу змеевик мог быть привезен на Русь, где и получил надписи. Если же принять во внимание, что начало текста одной из надписей на змеевике имеет отношение к бракосочетанию дочери князя Мстислава и царевича из дома Комнинов³⁷, то, естественно, направляется предположение, не было ли это событие поводом для изготовления соответствующего подарка родителям навесты, тем более такого подарка, который мог бы, по представлениям того времени, поправить здоровье ее больной матери?

²⁷ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 250.

²⁸ А. В. Рындина. Указ. соч., стр. 226—227.

²⁹ E. Dermenghem, L. Mahfoud, S. Unver, N. de Witt. Les sept dormants d'Éphèse en islam et en chrétienté.—«Recueil documentaire et iconographique». Addenda à «Revue des études islamiques». Paris, 1954, p. 60—62.

³⁰ М. А. Сперанский. О змеевиках с семью отроками.—«Археологические известия и заметки, изданные Московским археологическим обществом», т. I, № 2. М., 1893.

³¹ А. Kunysz. Przemysl miasto zabytkow i kultury. Krakow, 1968, pl. 52—53.

³² V. Laurent. Op. cit., p. 310.

³³ А. С. Орлов. Указ. соч., стр. 12.

³⁴ А. В. Рындина. Указ. соч., стр. 227—228.

³⁵ М. В. Щепкина. Указ. соч., стр. 77.

³⁶ А. В. Рындина. Указ. соч., стр. 220—221.

³⁷ Там же, стр. 222.